

ЛИТЕРАТУРА И ФИЛОСОФИЯ

LITERATURE AND PHILOSOPHY

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус)

Валентина Васильевна Борисова

Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля, ведущий научный сотрудник; Московский государственный лингвистический университет, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и теории словесности; Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, главный научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: vvb1604@gmail.com

Grattez le russe, et vous verrez le tartar: перверсия французской поговорки в творчестве Ф.М. Достоевского

Аннотация. Впервые рассматривается аксиологическая трансформация знаменитой французской крылатой фразы *Grattez le russe, et vous verrez le tartare* («Поскоблите русского, и вы обнаружите татарина»), осуществленная Ф.М. Достоевским в «Дневнике писателя» и в романе «Подросток». Дается интерпретация культурно-исторического смысла этой французской поговорки, связанной с закрепившейся в Европе традицией отождествления русских с варварами, «азиатами», что подтверждается каламбурно-иронической переключкой омофонов *barbare* и *tartare*. Раскрывается значительный вклад Ф.М. Достоевского в принципиальное обновление этого стереотипного в 1870-е годы представления. Анализ соответствующих публицистических и художественных текстов Ф.М. Достоевского показывает, что, обладая опытом пребывания в сибирской Азии и общения с казахским ученым Чоканом Валихановым и другими российскими востоковедами, писатель произвел ценностную перверсию французской поговорки: от резкой критики европоцентристского взгляда на Россию к положительной интерпретации азиатского начала (наряду с европейским) в природе русского человека. В результате делается вывод о том, что у Ф.М. Достоевского сложилась тринитарная, по сути предшествующая евразийской формула определения национально-культурной сущности России, в которой, помимо собственно русского и европейского начал, присутствует, по мнению автора «Дневника писателя», и третье, не менее значимое – азиатское начало: «Европа ... такая же мать России, как и Азия».

Ключевые слова: творчество Ф.М. Достоевского, европоцентризм, национально-культурные сущности России, тринитарная формула Ф.М. Достоевского

Valentina Vasilyevna Borisova

V.I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature, Chief Researcher, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Chief Researcher, State Linguistic University, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Theory of Literature, Russia, Moscow, e-mail: vvb1604@gmail.com

Grattez le russe, et vous verrez le tartare: Perversion of French Saying in Oeuvre of F.M. Dostoevsky

Abstract. The article considers the famous saying *Grattez le russe, et vous verrez le tartare* (*Scratch a Russian and you'll find a Tatar*) taken from *A Writer's Diary* and *The Raw Youth* by F.M. Dostoevsky. The interpretation of the cultural and historical meaning of this French saying is given, associated with the tradition of identifying Russians with barbarians, "Asians", which is confirmed by the punning and ironic roll call of homophones *barbare* and *tartare*. The major contribution into transformation of this stereotypical belief about the nation was made by Dostoevsky in the relevant journalistic and artistic texts of 1870s. He had experienced staying in the Siberian Asia and would speak to kazakh scientist Chokan Valikhanov and other Russian orientalists. The writer used to have a Europe-centric perspective of Russia. However, he gradually transformed and started from sharp criticism of the Eurocentric view of Russia to adopt a positive interpretation of the "Asian" origins (existing along with the European ones) in the Russians' nature. Eventually Dostoevsky shaped a trinitary Eurasian formula that he used to define the national and cultural essence of Russia. The essence includes not only Russian and European origins, but also the third origin which is Asian and no less substantial. This idea was fully explained by *A Writer's Diary's* author in his late days in 1881: "*Europe <...> is the mother of Russia just like Asia is*".

Key words: creative activity of F.M. Dostoevsky, eurocentrism, national-cultural essences of Russia, F.M. Dostoevsky's trinitarian formula

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.4.092-102

Grattez le russe, et vous verrez le tartare («Поскоблите русского, и вы увидите татарина») – это крылатое выражение, прилетевшее из Франции, приписывается разным историческим лицам: принцу де Линю, графу Жозефу де Местру, маркизу Астольфу де Кюстину, Наполеону I и др. Так с разной степенью иронии они выразили свое отношение к России, имея достаточно большой опыт пребывания в ней.

«Принц Европы» Шарль Жозеф де Линь (1735–1814), называвший себя «дипломатическим жокеем в России»¹, в 1782 году был послан императором Иосифом II с важными поручениями к Екатерине II. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. он завоевал дружбу как самой императрицы, так и ее фаворита графа Григория Потемкина, оставил после себя многочисленные сочинения, выборку из которых опубликовала в 1809 году А.-Л.-Ж. де Сталь под заглавием *Lettres et pensées du prince de Ligne* («Письма и мысли принца де Ли-

¹ Цит. по: Стрижев А.Н., Бирюкова М.А. «Принц Европы» в России // Крымский архив. 2017. № 4(27). С. 106 [1].

ня»). В 1810 году они были изданы на русском языке, обретя большую популярность в высшем свете и рассыпавшись на цитаты.

Другим автором крылатой фразы считается граф Жозеф де Местр (1753–1821). Он провел в России четырнадцать лет с 1803 по 1817 год в качестве полномочного посланника при дворе Александра I, при котором произошло его удивительное возвышение. На некоторое время он заменил даже М.М. Сперанского, став 17 марта 1812 года личным секретарем русского императора, который выдал ему двадцать тысяч рублей для осуществления замыслов. Правда, пребывание Жозефа де Местра в этом высоком статусе не продлилось более четырех месяцев. В России Жозеф де Местр написал свои основные сочинения, в том числе знаменитую книгу «Санкт-Петербургские вечера» (*Les soirées de Saint-Petersbourg, ou le gouvernement temporel de la providence*, 1821 г.). Это записки иностранца о тогдашней России, написанные в форме диалогов с русскими собеседниками, в том числе с П.Я. Чаадаевым, который, однако, в отличие от французского графа, сумел соединить критическое отношение к родине с любовью к ней, проявив солидарность с А.С. Пушкиным, который сказал: «Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство» [2, с. 232].

Жозеф де Местр смотрел на Россию как на варварскую страну, нуждающуюся в европейском просвещении, и стремился утвердить в ней орден иезуитов. Известно, что под его влиянием несколько русских аристократок перешли в католичество. Дикость России граф объяснял тем, что она, как наследница Византии, совершила, по его мнению, великий грех – отпадение от католицизма. С особой обстоятельностью он писал о культурной незрелости, чужеродности России по отношению к Западу: «Это не Европа, или, по крайней мере, это азиатская раса, оказавшаяся в Европе» [3, с. 224].

Поговорка *Grattez le russe, et vous verrez le tartare* приписывается и Наполеону I, но документально его авторство не подтверждается.

Наиболее вероятным источником французской цитаты считается знаменитое сочинение маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» (*La Russie en 1839*) (1843 г.), в котором русским дана, пожалуй, самая уничижительная характеристика: «Ведь немногим больше ста лет тому назад они были настоящими татарами. И под внешним лоском европейской элегантности большинство этих выскочек цивилизаций сохранило медвежью шкуру – они лишь надели ее мехом внутрь. Но достаточно их чуть-чуть поскрести – и вы увидите, как шерсть вылезает наружу и топорщится» [4, с. 105].

Русский перевод в данном случае не передает всей каламбурной переключки омофонов *barbare* и *tartare*, которой воспользовался французский автор, признанный остро слов в европейских и русских салонах. По сути, он сказал о том, что под тонкой оболочкой внешней культуры в русских по-прежнему скрываются дикари, варвары, поскольку в них много татарской крови от предков.

Культурно-историческая подоплека игры этих слов у А. де Кюстина связана с историей Византии, в которой, как в кипящем евразийском котле, оказались и варвары, и римляне. Как известно, европейцы, считая себя культурными наследниками именно «ромеев», дистанцировались от варваров-азиатов. Евразийскую природу Византии унаследовала только Россия, в истории которой «азиатский» компонент присутствовал изначально. Свидетельство тому, например, тюркские корни многих русских фамилий, в том числе писательских: Аксаковы, Булгаковы, Гаршины, Державины, Карамзины, Огаревы, Тургеневы, Чаадаевы, Языковы и др.

Европейцы неслучайно называли «москвитов» татарами. На карте XVIII века, изготовленной в Амстердаме, огромная территория восточнее Волги была обозначена крупными буквами как Grande Tartarie, т.е. Великая Тартария. Внутри Grande Tartarie указана Московская Тартария (*Tartarie Moscovite*), охватывавшая значительную часть Сибири. При этом tatar или tartar переводилось именно как «варвар», т.е. этническая принадлежность в данном случае определялась метонимически, предполагая замену прямого значения переносным по принципу *qui pro quo*. В результате отождествление «татар» с «варварами» приобрело пренебрежительный культурно-исторический смысл, а его негативная аксиология явилась закономерным отражением европоцентристского представления о России в XVIII–XIX веках.

Значительный вклад в разрушение этой стереотипной формулы внес Ф.М. Достоевский. Выражение «Поскреби русского – найдешь татарина» он неоднократно цитировал, в частности, в романе «Подросток» (1875 г.) и в «Дневнике писателя» (1877 г.). Свою статью 1877 года «Мы в Европе лишь стрючки» он начинает в чрезвычайно полемическом тоне: «Не хотели европейцы нас почесть за своих ни за что, ни за какие жертвы и ни в каком случае: Grattez, дескать, le russe et vous verrez le tartare, и так и доселе. Мы у них в пословицу вошли» [5, с. 22]. Французскую фразу русский писатель не случайно назвал пословицей, тем самым подтверждая ее крылатое происхождение. Тем не менее в данном случае очевидна его прямая полемика именно с Жозефом де Местром, который назвал россиян азиатами и варварами, оказавшимися в Европе.

Этот европоцентристский взгляд поначалу беспощадно критикуется на страницах «Дневника Писателя»: «европейцы ... не признают нас принадлежащими к “цивилизации”. Они видят в нас скорее варваров, шатающихся по Европе...» [6, с. 38]. Здесь опять налицо перифраза высказывания Жозефа де Местра, хотя Достоевский полемизирует не столько лично с ним, сколько с устоявшимся в Европе общим отношением к русским. Обида и сознание несправедливого унижения со стороны европейцев прорывается у Достоевского не раз: «...мы всего более боимся, что Европа не поймет нас и по-прежнему, по-всегдашнему, встретит нас высокомерием, презрением и мечом своим, все еще как диких варваров, недостойных говорить перед нею» [5, с. 198].

Такое отношение Достоевского к Европе В.К. Кантор назвал перверсной нелюбовью, скрывавшей, однако, страсть и обожание Европы как «страны культурных чудес»². Говоря об этих двух «створках» творчества Достоевского (с одной стороны, Россия и русский мир, с другой – Европа и европейская культура), ученый справедливо отмечает, что «двуединный состав внутреннего мира писателя требует отчетливой артикуляции»³.

На наш взгляд, двойственность отношения Достоевского к Европе точнее можно определить как перверсию любви и нелюбви, как «перевертыш идеи», которая, по словам Т.А. Касаткиной, «приобретает свои истинные черты одним поворотом, когда все остается таким же, тем же самым – и одновременно меняется так, что и узнать нельзя»⁴. В 1876 году писатель подчеркивал: «У нас – русских – две родины: наша Русь и Европа. <...> Против этого спорить не нужно» [6, с. 30]. В последующие годы Ф.М. Достоевский не раз повторял: «Европа, эта “страна святых чудес” необходима для России» [5, с. 198]; «Европа нам тоже мать, как и Россия, вторая мать наша» [10, с. 36]. Примечательно, что о Европе здесь говорится как о второй родине, второй матери, тем самым отмечается особый характер отношения русских к ней.

Однако целостная характеристика философии Достоевского невозможна без оценки его собственного отношения к Азии, тем более, что именно ему принадлежит «новый взгляд» на нее, ставший результатом кардинальной трансформации стереотипного представления о русских как варварах-азиатах. В конце жизни смысл французской поговорки Достоевский принципиальным образом меняет: с негативного на позитивный. В «Дневнике писателя» за 1881 год он, пытаясь образумить отечественных западников-либералов, рассуждает о том, что Россия находится не в одной только Европе, но и в Азии. И далее, вспоминая опыт, приобретенный в сибирской Азии в ходе общения с Чоканом Валихановым, много писавшим по совету писателя о степи, Достоевский утверждает, что «в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!»⁵.

Признание важнейшего значения Азии для России стало в последний год жизни для Достоевского аксиомой. Отсюда его призыв «оздоровить» взгляд России на Азию, освободиться от стыда, что русских называют азиатами.

² См.: Кантор В.К. Две родины Достоевского: попытка осмысления. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. С. 5 [7]. См. также: Карпова Е.А. Рецензия на книгу В.К. Кантора «Две родины Достоевского: попытка осмысления» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 1. С. 229–234 [8].

³ См.: Кантор В.К. Две родины Достоевского: попытка осмысления. С. 5.

⁴ См.: Касаткина Т.А. «Идея» героя и идея автора // Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 40 [9].

⁵ См.: Достоевский Ф.М. Геок-Тепе. Что такое для нас Азия? // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1984. С. 29 [10].

По мнению писателя, это ложный стыд, который возникает или по невежеству, или из лакейства перед Европой. Не призывая отворачиваться от «окна в Европу», он подчеркивает, что Азия может стать идеальным исходом для России в будущем. Со страстью Достоевский пишет, что если бы совершилось у нас хоть отчасти усвоение этой идеи, то «корень» национальной жизни был бы тогда оздоровлен: «Азия, азиатская наша Россия, – ведь это тоже наш больной корень, который не то что освежить, а совсем воскресить и пересоздать надо! Принцип, новый принцип, новый взгляд на дело – вот что необходимо!» [10, с. 32].

Этот «новый взгляд» проявился в широкой почвеннической историософии Достоевского: «Европа нам почти так же всем дорога, как Россия; в ней всё Афетово племя, а наша идея – объединение всех наций этого племени, и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама» [5, с. 23]. Здесь автор «Дневника писателя» имеет в виду возвращение к библейскому единству человеческого рода как мессианскую цель России, ее великую роль как для Европы, так и для Азии. И опять, существенно трансформируя и корректируя стереотипное представление о Европе, он принципиальным образом отмечает, что не Россия слишком плоха и не доросла до Европы, напротив, она слишком велика для нее, поскольку несет в себе всечеловеческую идею. Понимая, что Европа еще не готова ее воспринять, Достоевский призывает совершить принципиально новый геополитический и культурный поворот в Азию, в которой, на его взгляд, заключено много надежд и возможностей.

Исходя из этого, он пишет, что этот поворот, который развернет Россию к Азии, будет способствовать поиску собственной идентичности, выработке целостного национального самосознания. Сам Достоевский в результате мировоззренческой эволюции, как известно, пришел к пониманию «русской идеи» как идеи универсальной и христианской. Ее глубокий комментарий представила А.Г. Гачева. По ее мнению, Достоевский вслед Чаадаевым, Хомяковым и другими русскими мыслителями верил, что «Россия должна явить народам земли тайну общей жизни, – приведя восточное начало единства ... и западное начало личности ... к плодотворному синтезу по образу и подобию Троицы» [11, с. 175]. Характеризуя философию истории Достоевского с этой точки зрения, многие исследователи справедливо отмечают, что она органично вписывается в контекст русской религиозно-философской мысли конца XIX – первой трети XX века, которая не была тогда моноцентричной, как справедливо пишет об этом Е.А. Тахо-Годи: «Отталкиваясь от Европы, ища свой собственный путь, русская мысль обращалась и на Восток» [12, с. 137]. Важным подтверждением этому является, в частности, переключка идей Достоевского с ранними идеями Вл. Соловьева, которому поначалу Россия тоже представлялась «третьей силой» – объединительницей Востока и Запада⁶, хотя в последней книге «Три раз-

⁶ См.: Соловьев Вл. С. Три силы. Публичное чтение Владимира Соловьева. М.: Университетская типография, 1877. С. 14 [13].

говора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе» (1990 г.) он уже предупреждал об их столкновении, о наступлении «последних времен»⁷.

Нам же важно подчеркнуть, что новая грань национально-культурной позиции Достоевского оформилась как необходимость положительной интерпретации азиатского начала в русской природе. В черновых вариантах «Дневника писателя» за 1881 год четко прослеживается развитие этой идеи: «А все от первоначальной идеи, засевшей нам в голову, что мы только Европа, а не Азия [о вовсе не Азия!] А между тем [Азия вед<ь>] мы Азия – да, Азия!» [10, с. 248].

Таким образом, благодаря Достоевскому была произведена принципиальная перверсия укоренившегося в европейском сознании историко-культурного стереотипа. Под пером писателя он наполнился новым, позитивным смыслом, расширился и контекст его словоупотребления. На смену бинарной формуле, долгое время определявшей сущность России, Достоевский выдвинул тринитарную формулу, в которой, помимо собственно русского и европейского начал, присутствует и третье, не менее значимое азиатское начало. О нем автор «Дневника писателя» вполне определенно высказался в конце жизни: «Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат» [10, с. 33].

Интерес писателя к «татарскому», «азиатскому корню» в генеалогии русского человека и народа, судя по всему, не был случайным. Известно, что предком Достоевских являлся татарский князь Арслан-Челеби-Мурза, перешедший на русскую службу в самом конце XIV века⁸. Сын Арслана носил прозвище Широкий Рот (по-татарски «Эре теш»), поэтому его потомки, русские бояре, вначале носили фамилию Иртищевы, затем – Ртищевы и служили под этими фамилиями до того времени, пока в начале XVI века боярин Даниил Ртищев не получил от князя Федора Ярославича, княжившего на белорусских землях, жалованную грамоту на имение в селе Достоево. В этом свете пословица *Grattez le russe, et vous verrez le tartare* приобретает важное генеалогическое значение для характеристики творческой индивидуальности самого Достоевского, хотя, конечно, используя ее, он имел в виду более общий, этно-культурный аспект, который показателен, например, для романа «Подросток».

В структуру романа «Подросток» французскую поговорку вводит адресат Аркадия Долгорукого, его бывший воспитатель Николай Семенович. По мнению героя, он «бесспорно умный человек». Именно в его рассуждениях Арка-

⁷ См. об этом: Гачева А.Г. Творчество Ф.М. Достоевского и русская религиозно-философская мысль конца XIX – первой трети XX века // Достоевский и XX век. В 2 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 18–96 [14]; Гачева А.Г. Россия и Запад: модели синтеза // Человек и история в зеркале русской философии и литературы. М.: Водолей, 2021. С. 382–417 [11].

⁸ См.: Игорь Волгин. Родные и близкие: Историко-биографические очерки // Хроника рода Достоевских. М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 17–18 [15].

дий находит «некоторый общий взгляд и как бы нечто разъяснительное»⁹. К тому же Николая Семеновича можно считать *alter ego* автора. Неслучайно герой подчеркивает: «Если бы я был русским романистом и имел талант...», развивая мысль, вполне близкую «Дневнику писателя» той поры, когда Достоевский мечтал о воцарении «порядка» в России: «Хоть что-нибудь наконец построенное, а не вечная эта ломка, не летающие повсюду щепки, не мусор и сор, из которых вот уже двести лет все ничего не выходит. Не обвините в славянофильстве; это – я лишь так, от мизантропии, ибо тяжело на сердце!» [16, с. 453]. Этот крик души – вполне в духе самого Достоевского.

Европейский ярлык Николай Семенович прикладывает к «бесчисленному сброду» русских в Европе, среди которых «истинных либералов, истинных и великодушных друзей человечества ... не так много...»¹⁰. К ним он относит, прежде всего, Андрея Петровича Версилового, остающегося патриотом России, но способного отрицать и критиковать ее «по примеру множества русских европейских цивилизаторов петербургского периода русской истории»¹¹. Имеется в виду тип «русского европейца», который становится «наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец»¹².

В романе идет речь о двух вариациях этого типа – мнимом и истинном. С одной стороны, это русский варвар, «шатающийся по Европе», с другой – по-европейски окультуренный русский с татарскими корнями. Именно его Достоевский представляет как «тип всемирного боления за всех», который, с одной стороны, испытывает тоску по Европе; с другой – сознает недостаточность своего европейства, нуждающегося в восполнении азиатским началом.

Прообразом такого «полного», или восполненного, русского типа в романе является сам главный герой-подросток. Д.С. Мережковский в свое время пронизательно заметил, что в нем представлен тот «новый тип», который ищет «не только наполеоновского, западно-европейского “уединения и могущества”, но и русского, родного, самого древнего и самого нового, будущего “благолепия”»¹³. Развитием этой мысли является высказанное Т.А. Касаткиной суждение о двух «духовных отцах» Аркадия Долгорукого – старце Макаре Ивановиче и Версилове¹⁴.

Думается, что такое метафорическое определение родителей подростка, олицетворяющего молодую Россию, имеет глубокий смысл и может быть экстраполировано на саму Россию, у которой две матери: Европа и Азия. Об Азии писа-

⁹ См.: Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 13. Л.: Наука, 1975. С. 452 [16].

¹⁰ Там же. С. 454.

¹¹ Там же. С. 455.

¹² Там же. С. 377.

¹³ См.: Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники: [Очерки]. М.: Республика, 1995. С. 198 [17].

¹⁴ См.: Касаткина Т.А. «Идея» героя и идея автора // Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения. С. 56.

тель говорит: «наша русская Азия»¹⁵, «Азия, азиатская наша Россия, – ведь это тоже наш ... корень»¹⁶, подчеркивая, «в Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы»¹⁷. По сути? писатель обозначил роль России как фронта между Европой и Азией. По достоинству усилия автора «великого пятикнижия» были оценены в XX веке русскими евразийцами. Предвидя их появление, Достоевский пророчески сказал: «...авось прочтет кто-нибудь из подростков, из юного поколения...» [5, с. 23].

Таким образом, первоначальная резкая критика европоцентристского взгляда на русских сменилась у писателя позитивной интерпретацией азиатского начала в природе русского человека и народа, осмысленного в сопряжении с европейским. Результатом произведенной перверсии стала новая формула определения национально-культурной сущности России, в которой, помимо собственно русского и европейского начал, присутствует не менее значимое азиатское начало.

Список литературы

1. Стрижев А.Н., Бирюкова М.А. «Принц Европы» в России // Крымский архив. 2017. № 4(27). С. 103–119.
2. Пушкин А.С. Письмо П.А. Вяземскому от 27 мая 1826 г. // Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9. М.: Гослитиздат, 1959–1962. 1962. 494 с.
3. Местр Ж. Письма в Сардинию // Русский архив. 1911. № 2. С. 183–224.
4. Кюстин А. Россия в 1839 году. В 2 т. Т. 2. М.: Захаров, 1996. 484 с.
5. Достоевский Ф.М. Мы в Европе лишь стрючки // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1983. 470 с.
6. Достоевский Ф.М. Смерть Жорж Занда // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 23. Л.: Наука, 1981. 423 с.
7. Кантор В.К. Две родины Достоевского: попытка осмысления. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 608 с.
8. Карпова Е.А. Рецензия на книгу В.К. Кантора «Две родины Достоевского: попытка осмысления» // Философические письма. Русско-европейский диалог. М.: Высш. шк. экономики, 2022. Т. 5, № 1. С. 229–234. URL: <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-1-229-234>.
9. Касаткина Т.А. «Идея» героя и идея автора // Роман Ф.М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 27–67.
10. Достоевский Ф.М. Геок-Тепе. Что такое для нас Азия? // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1984. 463 с.
11. Гачева А.Г. Россия и Запад: модели синтеза // Гачева А.Г. Человек и история в зеркале русской философии и литературы. М.: Водолей, 2021. С. 382–417.
12. Тахо-Годи Е.А. Пути русской философии. Вступительное слово // Соловьёвские исследования. 2022. Вып. 2(74). 136–138.
13. Соловьёв Вл.С. Три силы. Публичное чтение Владимира Соловьёва. М.: Университетская типография, 1877. 16 с.
14. Гачева А.Г. Творчество Ф.М. Достоевского и русская религиозно-философская мысль

¹⁵ Достоевский Ф.М. Геок-Тепе. Что такое для нас Азия? С. 32.

¹⁶ См.: Достоевский Ф.М. Подросток. С. 36.

¹⁷ Там же. С. 36–37.

конца XIX – первой трети XX века // Достоевский и XX век. В 2 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 18–96.

15. Волгин И.Л. Родные и близкие: Историко-биографические очерки // Хроника рода Достоевских. М.: Фонд Достоевского, 2012. С. 961–1168.

16. Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 13. Л.: Наука, 1975. 456 с.

17. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский; Вечные спутники: Очерки. М.: Республика, 1995. 621 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Dostoevskiy, F.M. Podrostok [The Adolescent], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 13* [Complete Works in 30 vol., vol. 13]. Leningrad: Nauka, 1975. 456 p.

2. Dostoevskiy, F.M. Smert' Zhorzh Zanda [Death of Georges Sand], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 23* [Complete Works in 30 vol., vol. 23]. Leningrad: Nauka, 1981. 423 p.

3. Dostoevskiy, F.M. My v Evrope lish' stryuckie [We are only stryuckie in Europe], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 25* [Complete Works in 30 vol., vol. 25]. Leningrad: Nauka, 1983. 470 p.

4. Dostoevskiy, F.M. Geok-Tepe. Chto takoe dlya nas Aziya? [Geok-tebe. What is Asia for us?], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 27* [Complete Works in 30 vol., vol. 27]. Leningrad: Nauka, 1984. 463 p.

5. Kyustin, A. *Rossiya v 1839 godu. V 2 t., t. 2* [Russia in 1839. In 2 vol., vol. 2]. Moscow: Zakharov, 1996. 484 p.

6. Mestr. Zh. Pis'ma v Sardiniyu [Letters to Sardinia], in *Russkiy arkhiv*, 1911, no. 2, pp. 183–224.

7. Pushkin, A.S. Pis'mo P.A. Vyazemskomu ot 27 maya 1826 g. [Letter to P.A. Vyazemsky dated May 27, 1826], in Pushkin, A.S. *Sobranie sochineniy v 10 t., t. 9* [Complete Works in 10 vol., vol. 9]. Moscow: Goslitizdat, 1962. 494 p.

Individual works

8. Merezhkovskiy, D.S. L. Tolstoy i Dostoevskiy. Zhizn' i tvorchestvo. Religiya [Tolstoy and Dostoevsky. Life and creativity. Religion], in Merezhkovskiy, D.S. *L. Tolstoy i Dostoevskiy: Vechnye sputniki: Ocherki* [L. Tolstoy and Dostoevsky; Eternal Companions: Essays]. Moscow: Respublika, 1995, pp. 7–350.

9. Solov'ev, Vl.S. *Tri sily. Publichnoe chtenie Vladimira Solov'eva* [Three forces. Public reading by Vladimir Solovyov]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1877. 16 p.

10. Volgin, I.L. Rodnye i blizkie: Istoriko-biograficheskie ocherki [Family and friends: Historical and biographical sketches], in *Khronika roda Dostoevskikh* [Chronicle of the Dostoevsky family]. Moscow: Fond Dostoevskogo, 2012, pp. 961–1168.

(Articles from Scientific Journals)

11. Karpova, E.A. *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeyskiy dialog*, 2022, vol. 5, no. 1, pp. 229–234.

12. Strizhev, A.N., Biryukova, M.A. *Krymskiy arkhiv*, 2017, no. 4(27), pp. 103–119.

13. Takho-Godi, E.A. *Solov'evskie issledovaniya*, 2022, issue 2(74), pp. 136–138.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

14. Gacheva, A.G. Tvorchestvo F.M. Dostoevskogo i russkaya religiozno-filosofskaya mysl' kontsa XIX – pervoy trety XX veka [The work of F.M. Dostoevsky and Russian religious and philosophical thought of the late XIX – first third of the XX century], in *Dostoevskiy i XX vek. V 2 t., t. I.* [Dostoevsky and the twentieth century. In 2 vol., vol. 1]. Moscow: IMLI RAN, 2007, pp. 18–96.

15. Kasatkina, T.A. «Ideya» geroya i ideya avtora [The idea of the hero and the idea of the author], in *Roman F.M. Dostoevskogo «Podrostok»: sovremennoe sostoyanie izucheniya* [F.M. Dostoevsky's novel “The Adolescent”: the current state of study]. Moscow: IMLI RAN, 2021, pp. 27–67.

(Monographs)

16. Gacheva, A.G. Rossiya i Zapad: modeli sinteza [Russia and the West: Synthesis models], in Gacheva, A.G. *Chelovek i istoriya v zerkale russkoy filosofii i literatury* [Man and History in the Mirror of Russian Philosophy and Literature]. Moscow: Vodoley, 2021. 700 p.

17. Kantor, V.K. *Dve rodiny Dostoevskogo: popytka osmysleniya* [Dostoevsky's Two Homelands: an Attempt to Comprehend]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2021. 608 p.